

Заключение.

Намъ пришлось бы слишкомъ далеко выйти за предѣлы, положенные настоящему произведенію, еслибы мы захотѣли прослѣдить, хотя бы только въ наиболѣе важныхъ отношеніяхъ, то научное вліяніе, которое имѣли доктрины Платона въ исторіи философіи; средневѣковъ споръ объ *universalia*, возникновеніе понятія «закона» въ современномъ естествознаніи, гносеологія нѣмецкаго идеализма, начиная съ Лейбница, — уже все это указываетъ, что ученіе объ идеяхъ обладаетъ непреходящей и могучей жизненной силой; оно понынѣ осталось основнымъ творческимъ моментомъ научнаго познанія и постоянно воскресающимъ мотивомъ философскаго мышленія, точно такъ-же, какъ произведенія Платона были и будутъ источникомъ возвышеннаго наслажденія для многихъ и многихъ тысячъ людей.

Если въ послѣдней главѣ мы разсматривали не это дальнѣйшее научное вліяніе платоновскихъ понятій, но, главнымъ образомъ, тѣ черты, которыми жизнь европейскихъ народовъ приблизилась къ осуществленію выставленныхъ философомъ идеаловъ, то здѣсь мы руководились тѣмъ соображеніемъ, что именно этого требуетъ самая сущность его личности. Онъ — не мирный изслѣдователь, не чуждый желаніямъ мыслитель; онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые хотятъ знать истину для того, чтобы ее осуществить. Въ этомъ заключается глубочайшій смыслъ всего дѣла его жизни.

Наукѣ надлежитъ быть путеводительницею, властительницею жизни; поэтому и сама она должна быть исполнена высшихъ жизненныхъ цѣлей и цѣнностей, должна научиться съ этихъ точекъ зрѣнія понимать міръ. Это — глубокое внутреннее взаимодействие между наукой и жизнью, впервые и наиболѣе выразительно воплотившееся въ Платонѣ.

Гегель училъ насъ понимать исторію философіи, какъ процессъ, въ которомъ проясняется и получаетъ форму понятій духовное содержаніе всей культурной жизни человѣчества. Все, что въ государствѣ и обществѣ, въ религіи и искусствѣ, въ поэзи и наукѣ опредѣляетъ, какъ болѣе или менѣе сознательный мотивъ, народную жизнь въ ея различныхъ направленіяхъ, — все это въ философіи приводится къ единству въ формѣ понятій. Такимъ образомъ, философія есть самосознаніе культурнаго духа, и ея собственная разнообразная исторія есть лишь зеркало безустанной живости послѣдняго. Но философская мысль не довольствуется одной этой ролью отражателя; поднимаясь на степень отвлеченнаго знанія и вліяя здѣсь другъ на друга, мотивы, опредѣляющіе действительную жизнь, получаютъ совершенно иную форму и иную цѣнность, и въ этомъ новомъ видѣ они сами становятся силами, направляющими культурнаго развитія въ отдѣльныхъ его отвѣтвленіяхъ. Такимъ образомъ, въ великихъ центрахъ переплетенія философской мысли возникаютъ могучія теченія, вливающіяся обратно въ научную и художественную, въ религіозную и социальную жизнь.

Въ этомъ двойномъ процессѣ отдѣльные философы играютъ различную роль. Одни, въ которыхъ преобладаетъ теоретическое направленіе мысли, собираютъ разсѣянные лучи сознанія своей эпохи и довольствуются стройною картиною, создающеюся для нихъ этимъ путемъ; другіе, мыслители-практики, стараются чтобы собранный свѣтъ упалъ обратно

на дѣйствительную жизнь и сдѣлался въ ней пробуждающей и плодотворной силой.

Для насъ не можетъ-быть колебаній въ вопросѣ о томъ, куда слѣдуетъ отнести Платона. Правда, въ его философіи всѣ высшіе и наиболѣе тонкіе продукты богатой и разнообразной жизни грековъ выразились въ столь свѣтлой и ясной формѣ, что всякому, желающему изъ самаго чистаго источника познакомиться съ духомъ этого благороднѣйшаго изъ всѣхъ культурныхъ народовъ, мы всегда укажемъ прежде всего на произведенія Платона; но, вполне понимая свой народъ и свое время, Платонъ изъ этого пониманія извлекъ новый принципъ и, далекій отъ того, чтобы успокоиться въ созерцаніи сверхъчувственнаго міра, онъ изъ него, напротивъ, черпаетъ новые жизненные идеалы, чтобы перенести ихъ въ старую дѣйствительность. Со страстнымъ одушевленіемъ вступаетъ онъ въ борьбу съ властью земли, и всѣми силами души стремится «исправить и обратить міръ».

Поэтому Платонъ не принадлежитъ къ тѣмъ блаженнымъ умамъ, которые воспринимаютъ въ себя великую картину дѣйствительности и созерцаютъ ее въ мирѣ, не нарушаемомъ желаніями; но изъ всѣхъ благородныхъ умовъ, которые желали, онъ былъ и остался самымъ высокимъ.

